

Замѣтки объ охотѣ въ Привислянскомъ краѣ.

IV.

Знаете-ли вы, что такое ординація Замойскихъ? Нѣтъ, не знаете: это, нѣкоторымъ образомъ—государство въ государствѣ! это—громадное имѣніе фамиліи графовъ Замойскихъ, имѣющее одного лѣсу 270 тысячъ морговъ *),—имѣніе, которое никогда не уменьшается, потому что оно недѣлимо, и переходитъ всегда цѣликомъ отъ отца къ старшему сыну. Владѣлецъ ординаціи не имѣетъ права продать ни одного фольварка, ни одного морга земли. Все имѣніе раздается въ аренды частнымъ лицамъ, а для надзора существуетъ цѣлое центральное управленіе, въ д. Звѣринцѣ, съ фалангою управляющихъ, чиновниковъ, бухгалтеровъ, инженеровъ, адвокатовъ, надлѣсничихъ, подлѣсничихъ, лѣсниковъ, сторожей и т. п. По выслугѣ не менѣе 20 лѣтъ, ординатскій чиновникъ пожизненно получаетъ пенсію, по отношенію къ послѣднему окладу жалованья.

Хорошо-ли, дурно-ли вліяетъ на экономію края такая концентрація земель въ однѣхъ рукахъ, мы толковать не будемъ; скажемъ только, что ординація существуетъ давно и ведетъ свое начало отъ короля Стефана Баторія, давшаго первыя привилегіи своему любимцу, гетману Яну Замойскому, родоначальнику нынѣшнихъ графовъ, въ концѣ XVI столѣтія.

Лѣса ординаціи, покрывая частью Яновскій, Бѣлгорайскій, Замостскій уѣзды, переходятъ въ Австрійскую Галицію и, строго оберегаемые, служатъ разсадникомъ дичи для всей Люблинской губерніи. Дѣлятся они на 7 лѣсничествъ; каждое лѣсничество заведывается надлѣснымъ, съ 3—4-мя подлѣсными; стражу лѣснице-

*) Десятина—около двухъ морговъ.

ства составляютъ отъ 10 до 15 пѣшихъ и конныхъ гаевыхъ, т. е. лѣсниковъ, снабженныхъ звонкими, далеко слышными рожками.

Разрѣшеніе на охоту въ этихъ лѣсахъ получить очень трудно: охота запрещена для всѣхъ безусловно, и самая лѣсная стража не имѣетъ права не только охотиться, но даже держать ружей. При первомъ выстрѣлѣ въ лѣсу, раздается рожокъ лѣсника, ему откликается другой, третій и, въ пять—десять минутъ, къ мѣсту выстрѣла являются лѣсные аргусы, и если застаютъ виновника—отнимаютъ ружье, за представленіе котораго получаютъ, отъ своего начальства, три рубля награды.

Безъ сомнѣнія, браконьеръ все-таки изрѣдка прорвется и стукнетъ по козѣ, но систематическаго воровства нѣтъ, а главное—въ лѣсу тихо. Въ глубокихъ и глухихъ кнеяхъ есть пріютъ для звѣря, и пріютъ надежный, гдѣ, по крайней мѣрѣ, открытое преслѣдованіе невозможно. Здѣсь, въ болотистыхъ уремахъ лѣсныхъ ручьевъ и рѣчекъ, держится, рѣдкій уже, кабанъ; въ гущѣ еловыхъ кней, съ торфяною, мѣстами топкою, кочковатою почвой — живетъ коза; на потныхъ моховыхъ порубяхъ токуетъ краснобровый косачъ; а въ тѣни чернолѣся, „сидя на деревѣ, дремлетъ рябчикъ, подъ тихое журчаніе лѣсной рѣчки“. Попадаетъ иногда и глухарь. Въ самой непролазной чащѣ, заваленной буреломомъ и валежникомъ, перевитымъ цѣпкими ползучими растеніями, внезапно вспугнутый, онъ шумно и тяжело взлетаетъ, задѣвая и ломая могучими крыльями сухіе сучья, которые, шелестя, падаютъ на землю, передъ глазами оторопѣвшаго охотника. И долго еще слышится ему тяжелое шлепанье крыльевъ и чудится, исчезающій въ причудливой сѣти древесныхъ стволовъ и сучьевъ, черный пернатый великанъ.

Но возвратимся къ козѣ, этому милому, граціозному обитателю здѣшнихъ лѣсовъ. Коза держится всегда въ такихъ лѣсахъ, гдѣ есть вода и луга, куда животное, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ, выходитъ пить и щипать траву. Въ суровыя снѣжныя зимы, когда луга замерзнутъ и покроются глубокимъ снѣжнымъ слоемъ, который, временами, сверху оттаивая и вновь замерзая, образуетъ крѣпкій настъ, коза не можетъ достать до почвы даже своимъ острымъ копытцемъ; она покидаетъ прежнія пастбища, живетъ въ теплыхъ еловыхъ кнеяхъ, гдѣ всегда есть незамерзающія болотца и поточки, и питается мохомъ, папоротниками, объѣдаетъ молодые побѣги березы и осины. Кормъ этотъ, повидимому, очень полезенъ козѣ, потому что всегда въ такое время она бываетъ чрезвычайно жирна.

Спариваніе у козъ происходитъ обыкновенно въ сентябрѣ. Для

этого, среди укромной кнеи выбирается небольшая площадка рѣдко-лѣся, по которой козель гоняетъ козу въ кружокъ. Совокупленіе происходитъ чрезвычайно быстро и часто: самецъ нагоняетъ самку, она на мгновеніе приостанавливается... опять убѣгаетъ и опять догоняется самцомъ.

Я видѣлъ такіе кружки: они очень правильны, шаговъ 15—20 въ діаметрѣ, вытоптаны и убиты совершенно. Промышленники отыскиваютъ такіе кружки и безжалостно побиваютъ-всегда очень сторожкихъ, но, въ пылу страсти, ничего незамѣчающихъ ловеласовъ. По окончаніи течки, въ октябрѣ, козы отыскиваютъ своихъ послѣднихъ козлятъ и ходятъ уже постоянно вмѣстѣ съ ними. Иногда двѣ, три самки, съ своимъ потомствомъ, соединяются въ одно стадо. Часто, но не всегда, стадо сопровождается козломъ, который, въ ноябрѣ, почти всегда уже теряетъ рога, вновь вырастающіе съ весной.

Въ тихій апрѣльскій вечеръ, стоя на тягѣ, можно уже слышать тонкій пискъ маленькихъ козлятъ, которыхъ у козы почти всегда бываетъ пара. Но молодыя самки, послѣ первой течки, рѣдко приносятъ больше одного. Молодые покрыты мягкой свѣтлорыжею шерстью съ бѣлесоватыми пятнышками, расположенными рядами по бокамъ. Къ осени однакожь они выпцвѣтаютъ и становятся такими же, какъ мать: буро-сѣрыми, съ темной спиной и чисто бѣлымъ задомъ; только сѣро-бѣлое пятно на шеѣ появляется у нихъ на второмъ году.

Охота на самокъ-козъ здѣшними правилами разрѣшается въ сентябрѣ и октябрѣ; самцовъ же позволено стрѣлять круглый годъ. Я уже говорилъ о неосновательности этого послѣдняго позволенія, да и охота на козъ въ октябрѣ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ порицанія.

Въ виду значительнаго повсемѣстнаго уменьшенія козъ, можно было бы временно совершенно запретить охоту на нихъ, или же, самое большее — разрѣшить только втеченіи сентября, потому что въ сентябрѣ уже рѣдкая самка остается неоплодотворенною.

Объ охотѣ на козъ съ облавою я не буду говорить, во первыхъ потому, что правила облавной охоты вездѣ одинаковы, а во вторыхъ потому, что я вовсе не уважаю этой охоты. На облавѣ охотникъ играетъ жалкую роль автомата: гдѣ поставили, или какой номеръ выпалъ по жребію, тамъ и стой, жди у моря погоды. Тронулась облава, поднялся шумъ, а идетъ-ли на линію звѣрь — неизвѣстно. Ближе подходятъ загонщики, нервы напрягаются и, большею частью, напрасно. Вотъ—вотъ, думаешь, что-нибудь выскочитъ! Не тутъ-то

было! Мелькнула шапка, другая... выходит облава. Козы были, да пошли на облаву (что почти всегда случается)! Лису видѣли, да кто ее знаетъ куда дѣлась? должно быть стороной вышла.—Зачѣмъ же я стоялъ тутъ? Чтобы напрасно поволноваться, испортить себѣ расположеніе духа—и только! Кто любитъ веселую компанію, водочку и закусочку на свѣжемъ воздухѣ, для того облавы—разлюбезное дѣло! а настоящій охотникъ ни въ какихъ облавахъ (не говоря о специально волчьихъ) участія принимать не будетъ. Нѣтъ, господа, какъ вамъ угодно, а въ охотѣ съ облавою нѣтъ жизни...

То-ли дѣло съ гончими? Собаки тронули, и я знаю, что шумъ не напрасный,—звѣрь есть. Если я знаю лѣсъ, привычки и характеръ звѣря, а собаки гонять вѣрно и держать долго, то какъ онъ ни вертись, а встрѣтиться съ нимъ ужъ мое дѣло.

Но прежде нежели говорить объ охотѣ съ гончими, я скажу нѣсколько словъ о гончихъ, съ которыми охотятся ружейники Царства Польскаго и которыхъ я самъ держу не первый годъ.

V.

Къ стыду здѣшнихъ охотниковъ, нужно сказать, что они никогда не хотѣли или не умѣли соблюсти породы своихъ прекрасныхъ гончихъ. Хорошо гоняетъ собака — и довольно! есть-ли въ ней порода, нѣтъ-ли — все равно: — она спаривается съ другимъ хорошимъ гонцомъ, будь то самый безпородный ублюдокъ, только натасканный въ лѣсу. Изъ этого выходитъ то, что приплодъ получается еще болѣе безпородный. Такихъ ублюдковъ все-таки называютъ гончими, натаскиваютъ и кое-какъ приучаютъ къ гону. Я не видалъ ни одной стаи, порядочно подобранной: тутъ всегда были собаки и желтыя, и черныя, и съ подпалинами, и съ бѣлыми пятнами, и большія, и маленькія, и очень мало такихъ, въ которыхъ бы сказывалась порода. Такимъ-то образомъ породы перемѣшались до безобразія, и теперь, въ этомъ хаосѣ, едва можно отличить, какъ мнѣ кажется, сохранившіяся еще, въ очень маломъ числѣ экземпляровъ, двѣ породы польскихъ гончихъ.

Одна порода характеризуется слѣдующими наружными признаками: ростъ больше средняго; рубашка черная съ темно-желтыми подпалинами; голова небольшая; лобъ нѣсколько выпуклый и широкій, затылокъ развитой съ шишкою; ухо небольшое, но грубоватое; морда, относительно, тонкая и довольно сухая; носъ непременно черный; губы съ небольшими брылями; толстая, мускулистая

шея; крѣпкія, пропорціонально длинныя ноги; нѣсколько поджарый задъ; на заднихъ ногахъ шпоры—важный признакъ породы. Бѣлыхъ отмѣтинъ не должно быть; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что бѣлый волосъ означаетъ происхожденіе собаки отъ нечистокровныхъ производителей. Хотя мнѣ случалось видѣть съ бѣлыми отмѣтинами собакъ (самъ такихъ имѣю), которыя на охотѣ были превосходны, но въ чистокровность ихъ я никогда не могъ вѣрить. Установившаяся порода, вмѣстѣ съ особенностями своей организаціи и характера, должна непременно выработать и свою масть. Масть польскихъ гончихъ слагается изъ чернаго и желтаго цвѣтовъ; могутъ быть различія въ большемъ или меньшемъ преобладаніи чернаго цвѣта, т. е. собака этой породы можетъ быть подпалена или тонко, такъ что въ желтый цвѣтъ окрашены только внутреннія стороны ногъ, подбрюшье и пуговицы надъ глазами,—или же такъ, что желтизна расплывается широко; но, во всякомъ случаѣ, черный цвѣтъ преобладаетъ.

Собаки описываемой породы отличаются силой, нестомчивостью и необыкновенной „завзятостью“ въ гонѣ звѣря, которая поистинѣ можетъ быть названа злобностью. Поднявши, онѣ гонятъ горячо, ровно, неутомимо и хотя, вслѣдствіе быстроты гона, изрѣдка скалываются, но скоро выправляютъ, отыскивая на кругахъ, потерянный слѣдъ. За то ищутъ онѣ вяло и какъ-будто лѣнливо, не желая должно быть раньше времени утомляться; но рѣдко славливаютъ *).

Охотникъ, подложившій собакъ **), долженъ, покрикивая и по-свистывая, ободрять ихъ и помогать тронуть звѣря; въ особенности это необходимо при охотѣ на зайца, который, въ извѣстную пору, лежитъ весьма крѣпко. Въ охотѣ на козъ этого можно не дѣлать, потому что коза лежитъ очень чутко: малѣйшій шорохъ поднимаетъ ее, а главное, она издаетъ сильный запахъ, и хорошая опытная собака скоро распознаетъ присутствіе ея въ кнеѣ. Я охотился съ такими собаками описываемой породы (назову ихъ *большими* гончими или *паратыми*), которыя, будучи пущены въ козью кнею, не подавали голоса даже по зрячему зайцу, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ отлично гоняли его.

Вообще большія гончія превосходны при охотѣ на козъ, гдѣ необходимы вся сила и энергія, которыми онѣ обладаютъ. Коза передъ собаками идетъ чрезвычайно быстро, оставляя гонцовъ далеко

*) Подаютъ голосъ по слѣду, не поднявши звѣря.

**) Подложить или заложить собакъ, на мѣстномъ охотничьемъ жаргонѣ, означаетъ—пустить собакъ въ кнею, гдѣ предполагается звѣрь.

за собою, а затѣмъ, гдѣ-нибудь въ чащѣ; останавливается, наслушивается и, разумѣется, отдыхаетъ. Между тѣмъ собака, напрягая всѣ силы, идетъ по горячему, а коза, переведя уже духъ, сообразивъ направленье гона и вагу лѣса, брызнетъ съ новою силою, и скачка собаки продолжается безостановочно. Надо принять къ тому-же во вниманіе, что мѣстность всегда неровная, пересѣченная: чаща, овраги, колоды, пни, болота,—тогда вполнѣ придется оцѣнить силу и злобность собаки, которая можетъ ходить за козою съ ранняго утра и до поздняго вечера.

Какой-же смыслъ въ такомъ безконечномъ преслѣдованіи звѣря, за которымъ охотникъ никогда поспѣть не можетъ? да и собака, какъ-бы парата она ни была, не поймаетъ-же вѣдь его? спросить, быть можетъ, кто изъ охотниковъ.—А смыслъ тотъ, что ежели собаки держать козу долго и гонять, не давая ей застаиваться, то, волею-неволею, она дастъ кругъ (обложить) и возвратится приблизительно къ тому мѣсту, откуда поднята, а иногда, если звѣрь не особенно напуганъ частыми охотами, или-же если онъ оторванъ собаками отъ стада, которое осталось въ кнѣ, —обложить два и три раза; любить коза также кружить въ гористой мѣстности, обкладывая всегда по горкамъ. Стало-быть, при такомъ только завязаномъ гонѣ паратыхъ собакъ и возможна вѣрная встрѣча съ козою.

Въ отличіе отъ описанной породы паратыхъ или большихъ гончихъ, другую—назовемъ породю *маленькихъ* или *тишихъ* гончихъ. Здѣшніе охотники, какъ уже было сказано, породъ вообще не различаютъ и потому особенныхъ мѣстныхъ названій имъ нѣтъ; однакожь большихъ собакъ часто называютъ *огарами*, а малыхъ—*гончими*, хотя слово огаръ собственно означаетъ гончую собаку и иногда примѣняется безразлично и къ тѣмъ и къ другимъ.

Главное, бросающееся въ глаза, отличіе пѣшей гончей отъ большой, заключается въ значительно меньшемъ ростѣ и сѣро-желтой заячьей масти ея. Спина темная, изрѣдка переходящая въ черный цвѣтъ; вообще-же вся собака мастью чрезвычайно напоминаетъ зимняго русака, только, вмѣсто бѣлыхъ подпалинъ—имѣетъ желтыя. Желтизна, разумѣется, бываетъ то ярче, то блѣднѣе, то общій цвѣтъ темнѣе; во всякомъ-же случаѣ, собаки эти не черныя, а всегда сѣро-желтыя, или желто-сѣрыя.

Складомъ пѣшая гораздо нѣжнѣе паратой: головка небольшая, съ (относительно) длинными и тонкими ушами и сухою мордой, почти безъ брылей. Спина нѣсколько длинна, а потому ноги относительно коротковатыя—признакъ, не дающій права особенно рассчитывать на силу собаки. Насколько видъ, т. е. выраженіе паратой

гончей сурово и строго, настолько-же фізіономія пѣшей добродушна и мила. Собаки эти теперь очень рѣдки. Была у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ чистѣйшей породы такая собака; видѣлъ еще пару сукъ у почтосодержателя въ д. Жиржинѣ, Ново-Александрійскаго уѣзда, и даже охотился съ ними: собаки были превосходны на зайца (онѣ были куплены за 50 рублей диллетантомъ-охотникомъ; что съ ними случилось послѣ—не знаю). Еще такую-же собаку я видѣлъ въ прошломъ году, въ стаѣ, теперь уже несуществующей, умершаго въ томъ году помѣщика.

Ищутъ эти маленькія гончія охотно и рѣзво; поднимаютъ быстро и гонятъ вѣрно, скалываясь рѣже большихъ, потому что гонятъ тише, хладнокровнѣе. Въ охотѣ на зайцевъ эти собаки незаменимы; козъ гоняютъ хорошо, но скоро утомляются, и рѣшительно не могутъ соперничать въ бѣшеной скачкѣ съ паратыми, и не выдерживаютъ безконечнаго бѣга козы.

Я слышалъ мнѣніе и даже читалъ, что на козъ слѣдуетъ охотиться или съ однимъ тихоходомъ, или съ собакою старою, не могущею быстро гонять; но мнѣнія этого положительно не раздѣляю. Коза, передъ одной, тихо слѣдующею за ней собакою, идетъ медленно, часто останавливается, слушаетъ, дѣлаетъ нѣсколько слабыхъ прыжковъ и опять останавливается, и такъ натывается на охотника, который, большею частью, бьетъ по стоячей. Промышленникъ, для котораго весь интересъ охоты заключается въ томъ, чтобы какимъ-бы то ни было способомъ убить звѣря, охотится именно съ такою собакою, всегда въ одиночку, или вдвоемъ, и чаще удачно. Но развѣ это охота?—Лазитъ собаченка по лѣсу, изрѣдка подаетъ голосъ—ахъ ахъ, ахъ ахъ!.. и снова смолкаетъ, и тихо все... Коза прыгнетъ разъ, прыгнетъ другой и станетъ... слушаетъ, или шагомъ тихонько подвигается впередъ; а охотникъ стоитъ часъ, два, не смѣетъ шевельнуться, потому что коза не напугана, не обезпамятѣла, идетъ хладнокровно, смотритъ зорко и слышитъ чутко. Малѣйшій шорохъ, чуть замѣтное движеніе, и она только блеснетъ въ сторонѣ, показавъ неосторожному охотнику свой бѣлый задъ; но промышленникъ остороженъ: онъ не двинется, глазомъ не моргнетъ, и коза прямо подъ стволъ ему влѣзетъ, да еще станетъ!.. Гдѣ-жъ тутъ охота, поэзія, жизнь? Гдѣ прелесть? Въ жалкомъ-ли лаѣ одинокой собаченки, въ положеніи-ли охотника, стоящаго истуканомъ, или въ выстрѣлѣ по едва движущейся или стоящей козѣ?!.. Не говорю уже о томъ, что заставлятъ старую обезсилѣвшую со-

баку таскаться за козой по буеракамъ, болотамъ, черезъ пни и колоды—просто безжалостно и грѣшно.—Нѣтъ, только

Однопометниковъ лай музыкальный
Душу уносить въ... міръ идеальный...

....Звонко заливаются голоса дружныхъ паратыхъ; эхо перекачивается по лѣсу, наполняя сердце охотника чуднымъ и вмѣстѣ томительнымъ трепетомъ... Голоса повели вправо...—Ахъ, какъ бы поспѣть вонъ на ту горку!... Поспѣлъ, и запыхался,—а голоса ближе, ближе,—поютъ и звенятъ, и захлебываются... Ясно доносится слуха порывистый топотъ; сердце перестало биться, по тѣлу пробѣжалъ холодъ... мелькнула впереди какая-то сѣрая тѣнь, и черезъ мгновеніе, невѣроятными прыжками, несется какъ птица, какъ вѣтеръ, желанная гостя... Грянулъ выстрѣлъ и, вмѣстѣ съ показившимся по лѣсу эхомъ, кубаремъ валится на земь коза... Стоишь минуту, и глазамъ не вѣришь!.. Съ радостнымъ визгомъ налетаютъ собаки. О-того, того!..

— Всѣ остальные собаки, съ которыми мы охотимся здѣсь, мнѣ кажется, происходятъ отъ смѣшенія—или двухъ описанныхъ мною породъ между собою, или-же съ легавыми и даже съ кунделями. Часто приходится встрѣчать и недурныхъ для охоты собакъ, но такихъ разнокалиберныхъ ублюдковъ, что рѣдко одна бываетъ похожа на другую.

Можетъ быть я и ошибаюсь. Не выдаю своихъ словъ за непреложную истину; говорю такъ, какъ думаю, передаю лишь то, что видѣлъ и наблюдалъ, и былъ-бы очень радъ узнать мнѣніе о польскихъ гончихъ другихъ охотниковъ, близко знакомыхъ съ породами этихъ собакъ. Видѣлъ я одинъ разъ еще пару черныхъ какъ смоль, средняго роста, собакъ, съ самыми тонкими ярко-оранжевыми подпалинами и такими-же пуговицами надъ глазами; онѣ были очень красивы, но какъ-то тяжеловаты, съ толстыми, мясистыми головами, и гоняли преплохо. Уцѣлѣвшіе ли это экземпляры особой породы или какіе выродки—сказать не умѣю.

Дѣльныхъ охотниковъ съ гончими въ Царствѣ польскомъ теперь почти нѣтъ, а потому и собаки переводятся окончательно (чему отчасти способствуетъ и пошлина). Здѣшніе охотники держатъ, большею частью, по одной собакѣ, и рѣдко-рѣдко у кого есть пара. Зайцевъ бьютъ исправно, а козъ только случайно и тайкомъ, потому что добыть позволеніе на охоту въ хорошемъ лѣсу—чрезвычайно трудно.

Приѣхавши въ г. Яновъ, я познакомился съ однимъ охотникомъ, о которомъ неохотники наговорили мнѣ разныхъ чудесъ, который, однакожъ, позволенія на охоту, кажется, нигдѣ не имѣеть, но охотится съ одною собакой тайкомъ! Онъ вызвался быть моимъ сотоварищемъ въ охотничьихъ экскурсіяхъ и я принялъ-было его предложеніе, но скоро раскаялся, и отказался отъ этой компаніи навсегда. Надо было устроиться иначе. Выхлопотавъ себѣ разрѣшеніе на охоту въ лѣсахъ ординаціи, я познакомился съ мужичкомъ, Мартыномъ Флисомъ, и дѣло у насъ пошло не попрешнему... Но о Флисѣ и нашихъ подвигахъ съ нимъ—когда-нибудь въ другой разъ.

Н. Сахацкій.